

О ДАТИРОВКЕ ПУШКИНСКОГО НАБРОСКА «ВЕЗУВИЙ ЗЕВ ОТКРЫЛ...»

Из наблюдений над рукописями

К нереализованному стихотворному замыслу Пушкина «Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя...» относятся два черновых наброска, записанных поэтом на одном из разворотов рабочей тетради 1833—1835 годов, известной также под названиями «Альбом без переплета» или «Третий альбом» (ПД 845, л. 20 об. и 21). В «большом» академическом издании Полного собрания сочинений Пушкина они датированы Т. Г. Зенгер (Цявловской) августом—сентябрем 1834 года (см.: III, 1252).¹ В этой датировке незначительно расширены временные рамки работы Пушкина над «помпейскими» стихами, ранее предложенные С. М. Бонди в исследовании об истории заполнения «Третьего альбома» («между серединой августа и 20 сентября — в Петербурге или в Болдине»)².

Еще один вариант датировки, хронологически самый узкий, зафиксирован в «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина» (середина августа — начало сентября; Петербург—Москва).³ В нем, как видим, работа Пушкина над замыслом «Везувия...» исключена из трудов недолгой «болдинской осени» 1834 года.

Предложенные варианты датировки «Везувия...» в целом не конфликтуют друг с другом, охватывая близкий хронологический диапазон (с незначительной разницей в обозначении его границ), и, по умолчанию, безусловно совпадают в одном — в представлении, что и первый, и второй наброски, соседствующие на тетрадном раз-

¹ Эта датировка (с самым кратким обоснованием) закреплена в недавно завершеном издании «Пушкинской энциклопедии»: «август (начало экспонирования картины Брюллова в Эрмитаже) — сентябрь 1834 г. (по положению в тетради)» (Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1: А—Д. С. 253; статья Е. В. Кардаш).

² Бонди С. М. История заполнения «Альбома 1833—1835 годов» // Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое издание: Альбом 1833—1835 гг. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Комментарий / Под ред. С. Бонди. М., 1939. С. 20. Хотя С. М. Бонди не предложил обоснования своего решения, тем не менее очевидно, что нижняя граница датировки связана по времени с началом экспонирования «Последнего дня Помпеи» для широкой публики, а верхняя — с датой на отдельном автографе «Сказки о золотом петушке», перебеленной Пушкиным в Болдине 20 сентября 1834 года. Отмечу попутно, что транскрипцию набросков «Везувия...» для этого издания Т. Г. Цявловская и С. М. Бонди готовили совместно.

³ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 4. С. 224.

вороте, появились непосредственно один за другим, без значительного перерыва: или в Петербурге, или в Москве, или в Болдине.

При этом замечу, что процесс серьезного текстологического осмысления этих очень сложных черновиков, а также редакторские усилия, направленные на извлечение из них связного текста, отвлекли внимание исследователей от палеографической составляющей пушкинских автографов. Между тем даже неопытному глазу заметна существенная разница между двумя «помпейскими» черновиками. Они отличаются и по тону чернил, и по характеру почерка. Поэтому небезынтересно рассмотреть их в автографическом контексте обозначенного предшественниками периода: август—сентябрь 1834 года. Сразу оговорюсь: контекст этот на проверку оказался весьма ограниченным по объему, поскольку в этот промежуток времени Пушкин писал мало. До нас дошло несколько творческих рукописей (это, наряду с набросками «Везувия...», петербургские автографы посвященного А. Мицкевичу стихотворения «Он между нами жил...» и болдинские рукописи «Сказки о золотом петушке»), дневниковая запись от 9 августа, несколько писем (Н. Н. Пушкиной, Н. И. Гончаровой) и коротких записок (М. Л. Яковлеву, А. И. Тургеневу, С. А. Соболевскому).

Одной из причин такого «бесплодного» периода не могло не стать тревожное состояние Пушкина, вызванное событиями вокруг его намерения оставить службу. Прошение об отставке Пушкин, ссылаясь на семейные дела, подал в конце июня 1834 года, «в минуту хандры и досады на всех и на всё», как объяснял он свое решение В. А. Жуковскому (письмо от 4 июля 1834 г. — XV, 174). Этот «бессмысленный», с точки зрения Николая I, поступок был воспринят царем как проявление явной «неблагодарности» поэта за монаршие благодеяния (см. письмо В. А. Жуковского к Пушкину от 6 июля 1834 г. и ответное письмо, датированное тем же днем, — XV, 175, 176).⁴ Фраза из сентябрьского письма к жене, посланного из нижегородской деревни: «...стихи в голову нейдут...» (XV, 192) — звучит как горький рефрен этого времени.

Не располагала к интенсивной творческой работе и «кочевая» жизнь Пушкина, получившего в середине августа трехмесячный отпуск для поездки по семейным делам в Калужскую и Нижегородскую губернии. Плотный пушкинский итинерарий этих месяцев весьма красноречив: Петербург, где Пушкин плотно был занят чте-

⁴ Подробнее об этом см.: *Иезуитова Р. В.* Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л., 1978. Т. 8. С. 226—229; *Пушкин А. С.* Письма к жене / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. Л., 1986. С. 171—172 («Лит. памятники»).

нием корректуры «Истории Пугачева», неотложными бытовыми и денежными делами (до 17 августа), — Москва (20 августа) — Полотняный Завод (21 августа — 6 сентября) — Москва (6—10 сентября) — Болдино (13 сентября — 1 октября) — Москва (4—11 октября) — Петербург (с 15 октября).⁵

Рассмотрим теперь черновики «Везувия...» в обозначенных автографическом и хронологическом контекстах.

В «Альбоме без переплета», кроме двух «помпейских» набросков, из названных выше рукописей августа—сентября 1834 года находится основной черновик стихотворения «Он между нами жил...» (ПД 845, л. 7—6 об.), перебеленный (и также незавершенный) автограф которого на отдельном листе отмечен авторской датой: «10 Авг<уста> / 1834 / С.ПБ.» (ПД 199). Первый набросок «Везувия...» (ПД 845, л. 21) и рукописи стихов, посвященных Мицкевичу (особенно тетрадного черновика), поразительно близки в палеографическом отношении: они практически неразличимы по тону насыщенных черных чернил, одинаково расписанному перу и размашистому почерку с отчетливо выраженным правым наклоном. Не противоречат им по палеографическим характеристикам и другие автографы первой половины месяца: дневниковая запись, сделанная 9 августа (ПД 843, л. 37 об.—39), и две записки М. Л. Яковлеву, относящиеся к изданию «Истории Пугачева» и датированные 12—16 августа (ПД 1223, л. 1 об. и ПД 611).⁶ Сюда же можно присоединить и запись в самодельной приходо-расходной тетрадочке Пушкина об оплате перевозки мебели 14 августа (ПД 739, л. 3). Если опереться на эти наблюдения, можно предположить, что набросок «Везувия...» на л. 21 был сделан в Петербурге в первой половине августа (до 17-го) и отразил непосредственные впечатления поэта от грандиозного полотна Брюллова (вне зависимости от того, когда его увидел Пушкин, — до начала показа широкой публике или в первые два дня, перед самым отъездом в Москву).⁷

Тесно примыкающий к тексту рисунок, в котором Пушкин схематично набросал одну из центральных групп впечатлившей его картины, свидетельствует здесь скорее о паузе в работе, чем о намерении совсем оставить замысел. К нему Пушкин, по моим наблюдениям,

⁵ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 221—237.

⁶ Обоснование датировки см.: *Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837.* Л., 1969. С. 241—242 (коммент. Н. Н. Петруниной к письмам 64 и 65).

⁷ См. об этом в статье А. А. Долинина «Набросок Пушкина “Везувий зев открыл...”»: Текст, источники, контексты» (наст. изд., с. 165—166).

вернулся месяц спустя, уже в Болдине,⁸ куда приехал «в четверг поутру» 13 сентября (письмо к Н. Н. Пушкиной от 15 и 17 сентября 1834 г. — XV, 191).

Второй черновой набросок «Везувия...» мог возникнуть не раньше 15 сентября: в этот день Пушкин сообщал жене (и к этим словам поэта стоит отнестись с полным доверием), что «еще писать не принимался» и в первый раз берется за перо, чтобы с нею «побеседовать» (Там же). Пушкин возобновил работу над «Везувием...» рядом с первым его черновиком, на левой половине альбомного разворота, которая оставалась незаполненной (ПД 845, л. 20 об.). Второй набросок по своей палеографической картинке (чернила светлого коричневого тона, мелкий плотный почерк с легким правым наклоном) тяготеет к болдинским рукописям второй половины сентября 1834 года, прежде всего — «Сказки о золотом петушке». Черновик «Сказки» (стихи 65—224⁹) соседствует в альбоме с «Везувием...», их разделяют два листа: один белый, который так и остался незаполненным (л. 22), и вырванный цветной, от которого сохранились небольшие фрагменты у корешка. Похожими чернилами и пером — болдинскими — написаны и беловой автограф-книжечка последней сказки Пушкина, который поэт отметил подробной датой: «Болдино / 20 се<н>т<я>бря / 1834 / 10^ч-53^м.» (ПД 972), и два письма к жене (ПД 1531 и ПД 1532), и письмо к Н. М. Языкову, помеченное 26 сентября (ПД 614). Однако самое близкое палеографическое сходство второго «помпейского» наброска обнаруживается именно с черновиком «Сказки о золотом петушке», что позволяет принять верхнюю границу датировки «Везувия...», которую предложил С. М. Бонди, — 20 сентября.¹⁰

⁸ Две записки А. И. Тургеневу (ПД 612 и ПД 613) и одна С. А. Соболевскому (РГАЛИ, ф. 450, оп. 1, № 5, л. 220—221), которыми исчерпываются известные московские автографы этого периода, по палеографическим приметам не совпадают со вторым черновиком «Везувия...».

⁹ Черновик стихов 29—34 находится на л. 1 об. «Альбома без переплета», черновые автографы стихов 1—28, 35—64, 225—226 неизвестны.

¹⁰ Добавлю также, что на л. 23 альбома, где, начиная с 65-го стиха, шла работа над «Сказкой о золотом петушке», Пушкин сделал портретный набросок, который Т. Г. Цявловская (Зенгер) отнесла к ряду «машинальных рисунков, не занимающих мысли Пушкина»: «Таков и рисунок головы <...> явно лишенный каких бы то ни было черт портретности, бездумной задачей которого была разработка завитков волос, имеющих чрезвычайно условный характер» (Зенгер Т. Г. Рисунки Пушкина в «Альбоме 1833—1835 годов» // Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое издание: Альбом 1833—1835 гг. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Комментарий. С. 69). В каталоге Р. Г. Жуйковой этот графический набросок учтен в том числе и как вероятный портрет К. П. Брюллова (?), со ссылкой на предположение Б. А. Курковой (см.:

«Видно, нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить» (XV, 193), — писал Пушкин жене около 25 сентября. Предчувствие его не обмануло: поэт так и не «расписался» в деревне. Работа над «Везувием...» снова не задалась.¹¹ И, как подсказывает рукопись, поэт поставил в ней своеобразную финальную «точку». Второй черновик после еще одной безуспешной попытки разработать важный для него сюжет Пушкин завершил характерным знаком концовки — росчерком в виде суживающейся книзу спирали, едва заметной, сделанной легким касанием почти сухого пера и потому ускользнувшей от внимания текстологов.¹²

Отказавшись от поэтической разработки сюжета, Пушкин два года спустя сконцентрировал основные образы своего нереализованного замысла в одном предложении, которое почти без поправок сложилось в черновике рецензии на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова: «...шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице чудно освещенной Волканом» (XII, 372). Это возвращение к брюлловской картине, наряду с упоминанием исторического сюжета о гибели Помпеи в «Египетских ночах» (1835),

Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 88, № 147). Было бы соблазнительно принять эту гипотезу, если бы не тот факт, что личное знакомство Пушкина с К. П. Брюлловым состоялось в мае 1836 года в Москве, а автопортрет К. Брюллова, изобразившего себя среди жителей погибающего города, вряд ли можно считать прототипом альбомного рисунка Пушкина.

¹¹ «Совсем неоконченное стихотворение Пушкина», — отметил И. В. Анненков, первым предпринявший попытку прочитать «Везувий...» по автографу и записавший два с половиной начальных стиха в тетради, с которой в дальнейшем работал его брат П. В. Анненков (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 53, л. 150 об.).

¹² В отличие от аналогичных графических помет, аккуратно указанных во всех других случаях, знак концовки под вторым черновиком остался не отмеченным ни в полстном описании рабочей тетради для факсимильного издания 1939 года (см.: *Георгиевский Г. П.* Пушкинский «Альбом 1833—1835 годов» // *Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое издание: Альбом 1833—1835 гг. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Комментарии.* С. 10), ни в транскрипции к нему (см.: *Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Транскрипции / Сост. С. Бонди и Т. Зенгер. М., 1939. С. 63).*

Отмечу также еще одну невербальную деталь, которая относится ко второму черновику «Везувия...». Под наброском стихотворения мы видим отпечаток некоего текста (или рисунка), выполненного черными чернилами, но не соотносящегося с л. 21 (где находится первый набросок с рисунком). Между л. 20 и 21 нет вырванных листов. Следовательно, это отпечаток с какого-то отдельного листа, но невозможно понять, были ли записи на нем связаны с работой над «Везувием...».

И. З. Сурат назвала «очевидными следами брюлловской картины в творчестве Пушкина».¹³

К этому, на мой взгляд, можно добавить еще один неожиданный, но вполне «очевидный след» интереса Пушкина к историческому полотну Карла Брюллова — рисунок падающей статуи. Он сделан в черновой рукописи стихотворения «...Вновь я посетил...» (ПД 846, л. 31 об.; белой автограф ПД 986 датирован 26 сентября 1835 года), прямо по тексту стихов, навеянных воспоминанием об оживленной одесской гавани и предшествующих описанию «холма лесистого» и озера в окрестностях Михайловского:

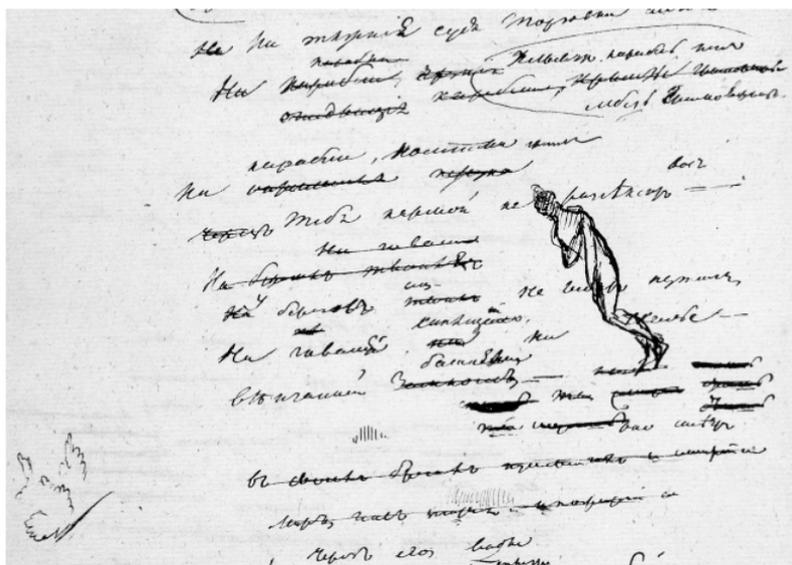
Ни тяжкие суда торговли алчной
Ни корабли, носители громов
<Его> кормой не рассекают вод —
У берегов его не видит путник
Ни гавани кипящей, ни скалы — —
Венчанной башнями <...>.
(Ш, 1000)

Рисунок этот обойден вниманием исследователей и не отрефлексирован. В отличие от многих других рисунков, изображение падающей статуи не попало в репертуар хрестоматийных образцов пушкинской графики. О нем ничего не говорится в работах, посвященных анализу автографических источников одного из последних стихотворений Пушкина.¹⁴ В литературе этот рисунок упомянут, кажется, лишь однажды. В описании «Последней тетради» Пушкина (ПД 846) С. М. Бонди обозначил его в кратком перечне тетрадных рисунков, без какого-либо комментария, только с осторожным предположением, что это может быть изображение Венеры Медицейской.¹⁵ Здесь имеется в виду античная статуя I века до н. э., изображающая обнаженную богиню любви, которая выходит из моря,

¹³ Сурат И. З. Пушкин и гибель Помпеи // Сурат И. З. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 294.

¹⁴ См.: Левкович Я. Л. «Вновь я посетил...» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 306—322; Соловей Н. Я. Сравнивая рукописи: Из истории создания стихотворения А. С. Пушкина «...Вновь я посетил» // Русская речь. 1978. № 3. С. 20—29.

¹⁵ См.: Бонди С. М. Из «последней тетради» Пушкина // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. С. 381 (в перечне рисунков осталась незамеченной печатка: по красной жандармской нумерации рисунок статуи находится на л. 33 об., а не на л. 3 об.). Описание тетради ПД 846 было сделано С. М. Бонди в 1934 году (см.: Там же. С. 7).

Фрагмент черного автографа стихотворения
«...Вновь я посетил...» (ПД 846, л. 31 об.)

стыдливо прикрываясь руками.¹⁶ Скульптура получила широкую известность благодаря многим позднейшим повторениям, украшавшим дворцовые залы и парковые ансамбли в Европе и России. «Флорентинскую Киприду» упоминает и Пушкин в незаконченном стихотворении «Кто знает край, где небо блещет...» (1828). С этим предположением С. М. Бонди можно было бы согласиться, если бы не характерно наклоненная поза фигуры, нарисованной Пушкиным, — словно падающей «с шатнувшихся колонн» и явно напоминающей скульптуры на картине Брюллова.

Воспоминание Пушкина о них и зарисовка по памяти одного из ключевых для него образов Брюллова¹⁷ вряд ли были случайными. За полгода до этого, в конце марта 1835 года, поэт приобрел в книж-

¹⁶ Оригинал Венеры Медицейской (Венеры Медичи) хранится в галерее Уффици во Флоренции.

¹⁷ См.: Лотман Ю. М. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 294—296; Сураг И. З. Пушкин и гибель Помпеи. С. 297—299.

О «провиденциальном» смысле образов падающих «кумиров» как символа «грядущей победы христианства над язычеством» и для Брюллова, и для Пушкина см. в статье А. А. Долинина (наст. изд., с. 179).

ной лавке Ф. М. Беллизара роман Э. Булвера-Литтона «Последние дни Помпеи», изданный во французском переводе в 1834 году (см. письмо Ф. М. Беллизара от 24 марта 1836 г. — XVI, 96). Книга сохранилась в библиотеке Пушкина. Оба тома разрезаны.¹⁸ Пушкин прочел сочинение английского романиста, вдохновленного грандиозным творением русского живописца о трагической гибели древнего города и подхватившего у Брюллова «мотив низвержения кумира» и смены культурно-исторических эпох, на что обратил внимание А. А. Долинин.¹⁹

Знал ли Брюллов о «помпейском» замысле Пушкина? Мы не располагаем свидетельствами об этом. Известно, что поэт подарил Карлу Брюллову автограф стихотворения «Альфонс садится на коня...» (впрочем, тоже незавершенного) — о бесстрашном рыцаре, пустившемся ночью в опасный путь.²⁰ Как знать, возможно, Брюллов мог бы стать и обладателем автографа пушкинского «Везувия...», если бы поэт не отказался от реализации своего поэтического замысла.

Т. И. Краснобородько

¹⁸ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 179. № 685.

¹⁹ См. статью А. А. Долинина (наст. изд., с. 180).

²⁰ См.: Гаврилова Е. И. Пушкин и Карл Брюллов // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 51—54.

ВОКРУГ ПИСЕМ ПУШКИНА К ЖЕНЕ. ОСЕНЬ 1833 ГОДА

«Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко?» (XV, 77). Эта фраза из пушкинского письма к Наталье Николаевне от 2 сентября 1833 года удивительным образом созвучна тем вопросам, которые он часто поднимал в переписке с ней. Но всегда ли был откровенен? Одни темы Пушкин свободно мог обсудить с женой, других — старался избегать. Так, сознавая, что упоминание женщин, с которыми его сталкивала судьба, могло быть неприятно супруге, поэт с предельной осторожностью писал об этом. Волновало Пушкина и возможное опрометчивое поведение жены в свете, способное породить кривотолки. Завершив путешествие по местам восстания Емельяна Пугачева, он писал Наталье Николаевне из Болдина в Петербург 6 ноября 1833 года: